

Эмоции и право

У каждого общества есть правила, какие эмоции приемлемы, когда они приемлемы и как их нужно выражать. В американской культуре принято ощущать горе, когда кто-нибудь умирает, и не принято посмеиваться, когда гроб опускают в землю. Вечеринка-сюрприз — время, когда удивляются, а потом веселятся, а если вы знаете заранее о вечеринке для себя, то при появлении принято притвориться удивленным. Члены племени илонгот на Филиппинах могут чувствовать эмоцию *liget*, когда, действуя единой группой для обезглавливания врага, празднуют хорошо сделанную работу¹.

Если вы нарушите правила социальной реальности для своей культуры, может последовать наказание. После смеха на похоронах вас могут бойкотировать. Если вы не будете удивляться на вечеринке в свою честь, гости будут разочарованы. А вот обезглавливание в большинстве культур уже не празднуют.

Предельные правила для обхождения с эмоциями в любом обществе устанавливаются его правовой системой*. Это может выглядеть удивительным утверждением, но давайте посмотрим. Если в Соединенных Штатах бухгалтер крадет ваши сбережения или банкир продает вам «плохой» ипотечный кредит, считается неприемлемым убить их; однако если вы в приступе гнева убьете своего супруга или супругу за измену, закон может сделать вам послабление, особенно если вы мужчина. Неприемлемо заставлять вашего соседа бояться, что вы нанесете ему телесный ущерб, — это считается видом угрозы, однако в некоторых штатах есть принцип права на защиту территории**, который считает

---

* Мои комментарии в этой главе ограничиваются правовой системой Соединенных Штатов, хотя они могут быть верными для законодательства других стран. Все выражения вида «законодательство» и «правовая система» относятся к США.

** Доктрина *stand-your-ground law* реализована в законодательстве многих штатов. Согласно этому принципу, место жительства (а иногда даже любое занимаемое на законных основаниях место) является неприкосновенным и у владельца есть законное право для защиты своей собственности нападать на вторгнувшегося человека, вплоть до убийства. *Прим. пер.*

нормальным, если вы нанесете кому-нибудь вред первым, даже если вы убьете человека. Приемлемо испытывать романтическую любовь, но (в различные времена истории США) не к людям одного с вами пола или другого цвета кожи. Нарушите эти правила, и вы можете потерять деньги, свободу или жизнь.

В течение столетий законодательство Соединенных Штатов формировалось классическим взглядом на эмоции, пронизанным эссенциалистским взглядом на человеческую природу. Например, судьи стараются исключить эмоции, чтобы принять решение чистым рассудком, — представление, что эмоции и рассудок являются отдельными сущностями. Обвиняемые в насилии заявляют, что у них был приступ гнева, считая, что гнев — это какой-то отдельный котелок, который не сдерживается чистым разумом и вскипает, освобождая поток агрессии. Жюри ищет у обвиняемого угрызения совести, как будто угрызения совести имеют четкое различимое выражение на лице и теле. Опытные свидетели показывают, что плохое поведение обвиняемого было вызвано расстройством мозговых центров, — пример безосновательной «центро-логии».

Закон — это социальный договор, который существует в социальном мире. Отвечаете ли вы за свои действия? Эссенциалистский взгляд на человеческую природу говорит: да, пока вас не охватили эмоции. Отвечают ли другие люди за ваши действия? Нет, вы — отдельная особь со свободой воли. Как вы определите, что ощущает обвиняемый? Обнаруживая выражение его эмоций. Как вам вынести справедливое решение в соответствии с моралью? Отстранив эмоции в сторону. Какова природа вреда? Физический вред, то есть повреждение тканей, хуже, чем эмоциональный вред, который считается отделенным от тела и менее осязаемым. Все эти порожденные эссенциализмом предположения встроены в законодательство на глубочайших уровнях, в широких масштабах обуславливают вердикты о виновности и невиновности и отмеряют наказания, хотя нейробиология вполне отказалась от них как от мифов².

Проще говоря, некоторых людей наказали незаслуженно, а некоторые избежали наказания на основании устаревшей теории психики, которая коренится в предубеждении, а не в науке. В этой главе мы исследуем некоторые обычные мифы об эмоциях в правовой системе и спрашиваем, можно ли улучшить осуществление справедливости в обществе с помощью более биологически состоятельной теории психики, особенно основанной на реалистичной нейробиологии.

***

Как обнаруживает каждый подросток, свобода — это прекрасно. Вы можете принять решение остаться допоздна с друзьями. Вы можете не делать свое

домашнее задание. Вы можете съесть пирожное на обед. Но все мы узнаём, что у каждого выбора есть определенные последствия. Закон основан на простой идее, что вы можете выбирать, обращаться с другими хорошо или плохо. Выбор подразумевает ответственность. Если вы обращаетесь с другими плохо и в результате они несут определенный ущерб, то вас нужно наказать, особенно если вы намеревались нанести этот ущерб. Так общество показывает свое уважение к человеку как к личности. Некоторые правоведы говорят, что ваша ценность как человеческого существа коренится в том факте, что вы выбираете свои действия и отвечаете за них³.

Если что-нибудь вмешивается в вашу способность выбирать свои действия свободно, закон говорит, что вы можете нести меньше ответственности за причиненный вами вред. Возьмем случай Гордона Паттерсона, который застал свою жену Роберту «в полуобнаженном виде» с ее другом Джоном Нортрапом. Паттерсон убил Нортрапа, дважды выстрелив ему в голову. Паттерсон признался в стрельбе, но заявил, что его вина меньше из-за «крайнего эмоционального расстройства» в момент преступления. В соответствии с законодательством США, неожиданная вспышка гнева Паттерсона заставила его не полностью контролировать свои действия, и поэтому он был обвинен в убийстве второй степени, а не в убийстве первой степени, которое подразумевает предварительное намерение и влечет более строгое наказание. Другими словами, при прочих равных обстоятельствах рациональное убийство хуже, чем эмоциональное убийство⁴.

Правовая система США считает, что эмоции — часть нашей предполагаемой животной природы и что они заставляют нас совершать глупые и даже жестокие действия, если только мы не контролируем их своим рациональным мышлением. Столетия назад юридические умы решили, что люди, будучи спровоцированными, иногда убивают, поскольку они еще не «остыли», а гнев возникает произвольно. Гнев кипит, взрывается и оставляет на своем пути следы разрушения. Гнев приводит к тому, что люди неспособны согласовывать свои действия с законом, и поэтому он частично смягчает ответственность людей за их действия. Этот аргумент сводится к формуле «в состоянии аффекта»⁵.

Аргумент защиты «в состоянии аффекта» зависит от некоторых знакомых предположений из классического взгляда на эмоции. Первое предположение — что существует единственный универсальный тип гнева, имеющий конкретный «отпечаток», который оправдывает такой аргумент при обвинении в убийстве. Он, по общему мнению, включает покрасневшее лицо, сжатые челюсти, раздувшиеся ноздри, увеличенную частоту сердечных сокращений, повышенное кровяное давление и учащенное дыхание. Как вы уже узнали, этот предполагаемый «отпечаток» — просто стереотип западной культуры,

который не подтверждается фактами. В среднем сердце человека при гнев колотится чаще, но при этом есть значительные отклонения, и аналогичное учащение является также частью стереотипов для счастья, печали и страха. Тем не менее большинство убийств совершается не в состоянии счастья или печали, а если какие-то и совершаются, то закон не считает эти эмоциональные состояния смягчающим фактором⁶.

Вдобавок большинство случаев гнева не приводят к убийству. Я вполне определенно могу утверждать, что за двадцать лет создания гнева в моей лаборатории мы ни разу не видели, чтобы испытуемый кого-нибудь убил. Мы видели намного более широкий репертуар действий: проклятья, стучание по столу, уход из комнаты, крик, попытки устранить имеющийся конфликт или даже улыбки с пожеланием бед своему оппоненту. Поэтому идея, что гнев является спусковым крючком для неконтролируемого убийства, выглядит в лучшем случае спорной⁷.

Когда я объясняю юристам, что у гнева нет биологического «отпечатка», они часто считают, что я заявляю об отсутствии эмоций. Это не одно и то же. Разумеется, гнев существует. Вы просто не можете показать на точку в мозге, на лице или на ЭКГ обвиняемого и сказать: «Смотрите, гнев находится вот тут», не говоря уже о том, чтобы сделать юридические выводы.

Второе предположение правовой системы, следом за аргументом «в состоянии аффекта», состоит в том, что «когнитивный контроль» в мозге синонимичен рациональному мышлению, намеренным действиям и свободе воли. Чтобы вас признали виновным, недостаточно, чтобы вы выполнили противоправное действие (известное под юридическим термином *actus reus*). Вам нужно также иметь намерение сделать это. Нанести ущерб по собственной свободной воле с преступным умыслом (*mens rea*). С другой стороны, эмоции рассматриваются как быстрые автоматически запускаемые реакции, выплескиваемые вашим древним внутренним зверем. Человеческая психика считается полем сражения между рассудком и эмоциями, так что, когда у вас нет достаточной когнитивной дисциплины, предполагается, что эмоции взрываются и овладевают вашим поведением. Они препятствуют вашему выбору действий и поэтому делают вас менее виновными. Эта интерпретация эмоций как примитивной части человеческой природы, которую должны контролировать более развитые и характерные только для человека рациональные части, — тот миф о «триедином мозге» (глава 4), корни которого восходят к Платону.

Это различие между эмоциями и познанием зависит от их предполагаемого разделения в мозге, причем одно управляет другим. Предполагается, что ваше эмоциональное миндалевидное тело поглядывает на открытую кассу, но затем вы рационально оцениваете вероятность тюремного срока и это заставляет

вашу префронтальную кору нажать на тормоза и не дать вашим рукам забраться в ящик с деньгами. Однако, как вы уже знаете к этому моменту, мышление и чувство в мозге не различаются четко. И ваше желание получить легкие денежки, и ваше решение пройти мимо конструируются во всем мозге с помощью взаимодействующих сетей. Каждый раз, когда вы выполняете какое-то действие — автоматически (например, распознавание, что некий предмет — это пистолет) или более осознанно (например, прицеливание с его помощью), — ваш мозг всегда является вихрем предсказаний, которые конкурируют друг с другом, чтобы определить ваши действия и ваш опыт.

В разные моменты мы переживаем разные причины наших действий. Эмоции иногда выглядят неконтролируемыми, например вспышка гнева, появляющаяся без предупреждения, но вы также можете действовать в гневе преднамеренно, методически выстраивая чью-то гибель. Кроме того, в вашей голове могут внезапно появиться не эмоции, а например — воспоминания или идеи. Но мы никогда не слышали об обвиняемых, которые совершили убийство «в приступе мышления».

Вы можете даже намеренно накрутить себя до состояния гнева. Похоже, что массовый убийца Дилан Руф, застреливший девятых человек во время собрания в церкви в штате Южная Каролина в июне 2015 года, намеренно взращивал свой гнев по отношению к афроамериканцам многие месяцы до того дня, как отправился в ту церковь. Руф сказал, что он был близок к тому, чтобы отказаться от своего плана, поскольку все были вежливы с ним, и он настраивал себя на ужасное деяние, постоянно произнося фразы типа «Я должен это сделать» и «Вы должны уйти». Таким образом, моменты эмоций не совпадают с моментами, когда вы неуправляемы⁸.

Гнев — это совокупность различных случаев, а не одна единая автоматическая реакция в истинном смысле этого выражения. То же самое верно для любой другой категории эмоций, когнитивного процесса, восприятия и прочих видов психических явлений. Может казаться, что у вашего мозга есть быстрый интуитивный процесс и более медленный осмысленный и что первый более эмоционален, а второй более рационален, однако эту идею нельзя обосновать нейробиологическими или поведенческими причинами. Иногда ваша управляющая система играет бóльшую роль в процессе конструирования, а в некоторых случаях — меньшую, но она вовлечена всегда, и эти последние случаи не обязательно связаны с эмоциями⁹.

Почему выживает эта фикция «мозга из двух систем», кроме обычной причины эссенциализма? Потому что большинство экспериментов в психологии нечаянно консервируют эту фикцию. В реальной жизни ваш мозг

безостановочно предсказывает, и каждое состояние мозга зависит от тех, что были ранее. Лабораторные эксперименты нарушают эту зависимость. Испытуемые видят изображения или слушают звуки, представляемые в случайном порядке, реагируя после каждого очередного, например, нажатием на кнопку. Такие эксперименты нарушают естественный процесс прогнозирования в мозге. В результате все выглядит так, словно мозг участников совершает быстрый автоматический отклик, а спустя примерно 150 миллисекунд — контролируемый выбор, как будто эти два отклика пришли от двух различных систем мозга¹⁰. Иллюзия мозга с двумя системами — побочный продукт многовекового неудачного плана экспериментов, а наши законы поддерживают эту иллюзию*.

Правовая система, с ее эссенциализированным взглядом на психику и мозг, смешивает волеизъявление (действительно ли ваш мозг играет определенную роль в контроле вашего поведения) и *осведомленность* о волеизъявлении (есть ли у вас в наличии выбор). Нейробиология может немало сказать об этой разнице. Если вы сидите в кресле с согнутыми ногами, не касаясь пола, и ударите по колену чуть ниже коленной чашечки, произойдет разгибание голени. Суньте руку в пламя, и она отдернется. Направьте поток воздуха на роговицу глаза, и вы мигнете. Для рефлексов в вашей периферической нервной системе есть сенсорные нейроны, связанные непосредственно с моторными нейронами. Мы называем итоговые действия «непроизвольными», поскольку благодаря непосредственной связи существует одно, и только одно, определенное поведение для конкретного сенсорного стимула¹¹.

Однако головной мозг не организован подобно рефлексу. Если бы это было так, вы были бы во власти внешнего мира, как актиния, которая рефлекторно выстреливает каждый раз, когда рыба задевает ее щупальца. Сенсорные нейроны актинии, которые получают входной сигнал от мира, непосредственно соединены с моторными нейронами, отвечающими за движение. Здесь нет акта волеизъявления.

Сенсорные и моторные нейроны человеческого мозга, однако, сообщаются через посредников, называемых *промежуточными нейронами*, и они придают вашей нервной системе примечательную способность — возможность принимать решения. Когда промежуточный нейрон получает сигнал от сенсорного нейрона, у него не одно возможное действие, а два. Он может стимулировать

* В более циничные моменты я также думаю, что идея «мозга из двух систем» держится на плаву, поскольку подразумевает удобного козла отпущения — анималистическую эмоциональную часть мозга, на которую мы можем свалить свое плохое поведение.

моторный нейрон, а может *затормозить* его*. Поэтому один и тот же сенсорный входной сигнал может привести в разных ситуациях к различным результатам. Это — биологическая основа выбора, самого ценного из человеческих возможностей. Благодаря промежуточным нейронам, если рыба заденет *вашу* кожу, вы можете отреагировать безразличием, смехом, насилием или чем-то средним. Временами вы можете переживать себя как актиния, однако у вас намного больше контроля над своим гарпуном, чем вы можете вообразить¹².

Управляющая система вашего мозга, которая помогает выбирать ваши действия, состоит из промежуточных нейронов. Эта сеть всегда вовлечена в активный выбор действий; просто вы не всегда ощущаете контроль. Другими словами, ваше переживание состояния, что вы контролируете, — не больше и не меньше, чем остальные переживания¹³.

Здесь закон расходится с наукой вследствие классического взгляда на природу человека. Закон определяет осознанный выбор (свободу воли) так: *замечаете* ли вы контроль над своими мыслями и действиями. Он не проводит различия между вашей способностью к выбору (работа вашей управляющей сети) и вашим субъективным переживанием выбора. Для мозга это не одно и то же¹⁴.

Ученые все еще пытаются выяснить, каким образом мозг создает переживание наличия контроля. Но одна вещь вполне определена: нет никакого научного оправдания для наименования эмоцией какого-то «момента без осознания контроля»¹⁵.

Что все это значит для закона? Вспомните, что правовая система решает вопрос виновности или невиновности, основываясь на намерении — намеревался ли кто-нибудь нанести вред. Закон должен продолжать в том же духе и наказывать на основании того, насколько намеренным был вред, а не того, были ли вовлечены эмоции или ощущал ли себя человек как агент с волеизъявлением.

Эмоции — это не временные отклонения от рациональности. Это не чужие войска, которые захватили вас без вашего согласия. Это не цунами, которые

* На самом деле возможности промежуточных нейронов гораздо шире. В большинстве случаев промежуточные нейроны совершают переключение между различными нейронными сетями, создавая простор не просто для возбуждения или торможения реакции, но также для принципиально различных реакций, вовлекающих различные мотонейроны (и не только их). Большинство нейронов, которые входят в описываемые автором системы интерорецепции и управления телесными ресурсами, а также все нейроны управляющей системы головного мозга относятся к промежуточным нейронам. *Прим. науч. ред.*

разрушают всё на своем пути. Это даже не ваши реакции на мир. Это ваши конструкции мира. Случаи эмоций находятся вне контроля не больше, чем мысли, восприятия, убеждения или воспоминания. На самом деле вы конструируете многие восприятия и переживания и осуществляете многие действия, некоторые из них вы хорошо контролируете, а некоторые нет.

***

Правовая система содержит в себе эталон, называемый *разумный человек*, который представляет нормы общества, то есть социальную реальность в рамках вашей культуры. Обвиняемые измеряются по этому эталону. Рассмотрите юридический довод, являющийся краеугольным камнем при аргументации о «состоянии аффекта»: мог бы разумный человек совершить то же самое убийство, если бы он был аналогичным образом спровоцирован без возможности остыть?

Эталон разумного человека и социальные нормы, за ним стоящие, не просто отражены в законе — они создаются законом. Это способ сказать: «Мы ожидаем, что человек будет действовать примерно так, и мы накажем вас, если вы не будете соответствовать этому». Это социальный договор, указатель к поведению среднего человека в группе различных индивидуумов. Как и все средние, разумный человек — это фикция, которую не применить ни к одному отдельному человеку. Это стереотип, и он охватывает стереотипные идеи о «выражении», ощущении и восприятии эмоций, которые являются частью классического взгляда на эмоции и теории человеческой природы, которая их поддерживает.

Правовой стандарт, основанный на стереотипах для эмоций, особенно проблематичен для равного отношения к мужчинам и женщинам. Во многих культурах превалирует мнение, что женщины более эмоциональны и больше сопереживают, в то время как мужчины отличаются большей аналитичностью и стоицизмом. Полки забиты популярными книгами, где этот стереотип считается фактом: «женский мозг», «мужской мозг», «его мозг», «ее мозг», «существенная разница», «пол мозга», «освободи силу женского мозга» и т. д., и т. п. Этот стереотип затрагивает даже влиятельных и пользующихся большим уважением женщин. Мадлен Олбрайт, первая женщина в должности государственного секретаря Соединенных Штатов, писала в своих мемуарах: «Многие мои коллеги заставляли меня ощущать, что я избыточно эмоциональна, и мне приходилось всерьез трудиться, чтобы справиться с этим. Со временем я научилась говорить ровно и безэмоционально, когда высказывалась о вопросах, которые считала важными»¹⁶.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

